

УДК 32.001:06
ББК 66
К 126

КАВКАЗ-2008. Ежегодник Института Кавказа. — Ер.: Институт Кавказа, 2010. — 211 с.

К 126 Шестой выпуск Ежегодника посвящен итогам 2008 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и США на Ежегодной конференции Института Кавказа в апреле 2009 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2008 г.; в них отражена общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы урегулирования конфликтов.

Редактор: **Александр Искандарян**

Редколлегия: **Нина Искандарян, Сергей Минасян**

Дизайн обложки: студия «*Matit*» / www.matit.am

Географические карты и верстка: студия «*Коллаж*» / www.collage.am

The Caucasus 2008. CI Yearbook. — Yerevan, CI, 2010. — 211 p.

The sixth CI Yearbook sums up year 2008 in the Caucasus based on talks given at the Yearly CI conference in April 2009 by scholars coming from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Russia and the US. The volume includes analytical papers dealing with various aspects of life in the Southern and Northern Caucasus in 2008. The papers reveal the overall trends in the politics, economics and societies of the Caucasus, outline the situation in regional security, and analyze prospects for conflict resolution.

Edited by **Alexander Iskandaryan**

Copy editing by **Nina Iskandaryan** and **Sergey Minasyan**

Cover design by **Matit** / www.matit.am

Maps and text layout by **Collage** / www.collage.am

ISBN 978-99941-2-364-2

ББК 66

© Институт Кавказа, 2010 г.

© 2010 by Caucasus Institute

Издание опубликовано при поддержке Европейского Союза, Швейцарского агентства развития и сотрудничества и Фонда Генриха Бёлля.

The publication of this volume was made possible by the support of the European Union, Swiss Development and Cooperation Agency and the Heinrich Böll Foundation.

ГРУЗИЯ В 2008 ГОДУ: ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Гиа Нодиа

2008 г. — а точнее, период, начиная с сентября 2007 г. — принес Грузии самые тяжелые испытания со времен начала девяностых годов. Можно сказать, под прямым ударом оказались все традиционно уязвимые сферы грузинского государства и общества.

Таких сфер можно выделить три. Прежде всего, это комплекс безопасности, где главным вызовом традиционно являются отношения с Россией и проблемы сепаратистских территорий — две формально различные, но на практике неотделимые друг от друга проблемы. Августовская война с Россией поставила под удар саму перспективу грузинской государственности — популярными в дни войны стали сравнения не с 1992-93 гг., когда шли войны в Абхазии и Южной Осетии, а с 1921 г., когда Грузия в результате российской военной интервенции потеряла независимость.

Вторая точка уязвимости — это конституционный менеджмент политического плюрализма, или, проще говоря, стабильность политической системы. В Грузии до сих пор не было прецедента конституционной передачи власти. С другой стороны, не было и авторитарной консолидации. Политическая среда остается реально конкурентной (пусть условия реально неравны для участников) и демократические правила и ценности остаются доминантными в нормативном смысле (несмотря на недоверие публики к основным представительным институтам). Осенью 2007 г. впервые после «Революции Роз» была предпринята попытка неконституционной смены власти, которая привела к серьезному политическому кризису. Но напряженность, чреватая выходом процесса из конституционных рамок, продолжилась и в первой половине 2008 г., особенно в контексте внеочередных президентских выборов в январе.

Еще одним фундаментальным вызовом является экономика. В последние годы, она развивалась весьма динамично: в 2007 г. экономический рост достиг 12,4%, резко возрос уровень иностранных

инвестиций. Положительные тенденции продолжались и в первой половине 2008 г. Августовская война подорвала эту динамику: доверие инвесторов было особенно болезненной ее жертвой. Вскоре, впрочем, экономический эффект последствий войны практически слился с эффектом мирового экономического кризиса.

В этой статье я сосредоточу основное внимание на внутривнутриполитических проблемах и вопросах безопасности. Прежде чем перейти к делу, однако, я должен сделать важную оговорку. С февраля по декабрь 2008 г. я был членом правительства Грузии, в частности, министром образования и науки, хотя впоследствии вернулся к более привычной мне роли независимого исследователя. В этой статье я стараюсь быть максимально объективным аналитиком — хотя естественно, я был пристрастным участником, а не сторонним наблюдателем анализируемых событий, и это не могло не наложить свой отпечаток на мои заключения и оценки. В частности, в вопросах, касающихся мотивов и действий грузинского правительства во время войны августа 2008 г., я во многом основываюсь на наблюдениях участника.

Демократический разрыв

С внутривнутриполитической точки зрения, год можно разделить на две части: завершение политического кризиса, начавшегося в сентябре 2007 г., и подготовка к новому витку противостояния, ожидаемому весной 2009 г.

Эти кризисные явления выявили структурные проблемы демократической системы в Грузии. Основная из них — отсутствие соглашения о приемлемых правилах игры в борьбе за власть и в трансляции плюрализма социальных и политических интересов на уровень государственного правления. Такие соглашения — гораздо более важная предпосылка демократии, чем писанные правила, зафиксированные в Конституции и законах. Они формируются постепенно как серия прецедентов, связанных с разрешением конкретных политических конфликтов и противоречий, и утверждаются лишь в случае оформленного либо молчаливого согласия основных игроков.

Прецеденты смены власти в постсоветской Грузии привели к своеобразной институционализации «демократических революций». Последним и наиболее успешным в своем роде прецедентом стала

«Революция Роз». Я и сегодня считаю, что в тот конкретный момент неконституционная смена власти была меньшим злом по сравнению с другими вариантами развития событий. Говоря в терминах классической политической теории, это был хрестоматийный пример легитимного и умелого использования народом как демократическим сувереном (естественно, мобилизованным конкретными лидерами) «права на революцию», сформулированного Джоном Локком. Но революция не привела к консолидации институтов представительной демократии – а значит, установка на «демократическую революцию» осталась в силе.

В этом контексте сакральный вопрос «кто виноват» малопродуктивен – особенно когда отвечающий является активным участником внутривнутриполитических дискуссий. Более важно описание конкретных симптомов и проявлений. На фоне недоверия к формам представительной демократии (прежде всего, выборам) в Грузии сформировалось представление о том, что наиболее адекватной формой проявления воли демоса, как суверена демократического режима, является «прямая демократия». В развитых демократиях понятие «народа» принято отождествлять с совокупностью индивидов, принимающих решения в одиночестве камер для голосования, или с пестрой мозаикой групп интересов, оформленных или неоформленных в партии, ассоциации и т. д. Но когда такие «опосредующие институты» развиты слабо, концепт «народа» отождествляется в политическом сознании с его чисто физической ипостасью – совокупностью обычно очень сердитых людей, собравшихся на площади, и зафиксированных камерами местных и иностранных средств массовой информации. Пятачок перед зданием парламента на проспекте Рушвела стал, по выражению Давида Дарчиашвили (политического аналитика, а ныне депутата парламента от правящей партии), «геополитическим центром (heartland) грузинской демократии»: люди, скопившиеся на этом сакральном пространстве, тем самым претендуют на монопольное право выражать «волю народа» и объявляются исключительными носителями демократической легитимности. Что особенно важно, опыт последних двадцати лет показывал, что политическая сила, которой удавалось завладеть этим пространством, в конце концов устанавливала контроль и над формальными институтами власти.

В сентябре 2007 г. с протестов против ареста Ираклия Окруашвили — перешедшего в оппозицию бывшего министра обороны и ближайшего сподвижника президента Саакашвили, начался новый виток политического противостояния, точнее — новая попытка организовать в Грузии очередную «демократическую революцию» по примеру «Революции Роз» 2003 г. Исход событий осени можно подытожить как ничью. В противовес прецедентам предыдущих лет, занятие оппозицией проспекта Руставели не привело ни к смене власти, ни к ее внутреннему ослаблению и расслоению. Это показывало, что Грузия избавляется от эндемического комплекса «слабого» или «несостоявшегося» государства. С другой стороны, что не менее важно, разгон протестной демонстрации 7 ноября 2007 г., объявление чрезвычайного положения и временное закрытие оппозиционных телеканалов не привело к авторитарной консолидации власти. Президент Саакашвили взял на себя ответственность за политический кризис, объявив об отставке и внеочередных президентских выборах, а также о плебисците на предмет переноса парламентских выборов на весну (такой перенос был одним из требований оппозиции). Это было прямым признанием силы оппозиции. Общество было примерно поровну разделено на сторонников власти и оппозиции¹, так что обе стороны могли реалистически претендовать на победу в выборах. Впервые в истории Грузии ожидалось действительно конкурент-

---

¹ Подобные утверждения обычно сопровождаются ссылками на результаты надежных опросов общественного мнения. В Грузии одной из серьезных проблем не только для политического анализа, но и для демократического развития является то, что результаты серьезных профессиональных опросов, которые не проводятся по заказам политических партий, не публикуются. Международный Республиканский институт США более или менее регулярно проводит опросы и публикует часть результатов на своей интернет-странице, однако это не включает наиболее политически чувствительные вопросы, как рейтинг политических лидеров. Основные политические субъекты проводят опросы, направленные на получение реальной картины, и время от времени «просачивают» в прессу ту часть результатов, которая им выгодна. Однако любая такая публикация сопровождается обвинениями в подтасовке со стороны «пострадавших» политических сил. Исследователи могут неформально иметь доступ к результатам надежных опросов, но не могут их цитировать. Автор этих строк, в частности, может сказать, что его положения соотносятся с результатами тех исследований, которые он лично считает надежными — но это утверждение обречено на обвинения в недобросовестности со стороны тех, кто не согласен с ним по политическим мотивам.

ные выборы за наиболее действенный институт власти — президентское кресло. Это позволяло трактовать исход осеннего кризиса, как шаг на пути к более сбалансированной политической ситуации, что было бы шагом на пути к реальной консолидации демократии².

Эти надежды не оправдались, поскольку результаты президентских и, позднее, парламентских выборов не были признаны проигравшей их оппозицией как легитимный исход политической игры. Саакашвили выиграл в первом туре с 53,5%, основной кандидат оппозиции Леван Гачечиладзе получил 25,7%. Параллельно, плебисцит поддержал перенос парламентских выборов на весну (что уже устраивало правящую партию), а отдельным голосованием население (72,5%) поддержало курс на вступление в НАТО. Позднее, парламентские выборы были назначены на май 2008 г.

Оппозиция обвинила Центризбирком в подтасовке результатов и объявила Саакашвили «самозванцем». Лидеры оппозиции говорили о том, что они, используя акции гражданского неповиновения, не дадут возможности Саакашвили реально осуществлять свою власть³. Однако в результате переговоров между оппозицией и властью, удалось избежать открытых столкновений: несмотря на достаточно крупную демонстрацию протеста, день инаугурации, 20 января 2008 г., прошел мирно.

Насколько обоснованы были обвинения оппозиции в массовой фальсификации выборов? Миссия наблюдателей ОБСЕ строго критиковала определенные аспекты избирательного процесса (факты давления на работников государственного сектора и активистов оппозиции, недостаточное размежевание деятельности государственных организаций и правящей партии, проблемы в процессе подсчета голосов и реагировании не последующие жалобы), но в целом не ставила под сомнение его демократический характер и закономерность окон-

---

² Автор этих строк именно так, с позиции осторожного оптимизма, трактовал ситуацию в конце 2007 г. См. подробнее: «Уртиертвердачмореба», Газета «24 саати», 01.12. 2007. Английский вариант: *Failure at Mutual Emasculation: Notes of a Cautious Optimist on the Results of November Non-Revolution*, http://www.cipdd.org/index.php?lang_id=ENG&sec_id=50.

³ См., например: *Opposition Leader: We Won't Allow Saakashvili to Govern* // *Civil Georgia*, 14.01. 2008 (в заголовке цитируется высказывание одного из лидеров Консервативной партии Кахи Кукава).

чательного результата⁴. Подобные заключения обычно встречают с большой долей скептицизма, и не без оснований: международные наблюдательные миссии отличаются осторожностью и редко ставят под сомнение общие результаты выборов, так как боятся тем самым способствовать дестабилизации обстановки (и без того, в случае с Грузией, взрывоопасной). Саакашвили начисто проиграл выборы в столице — Тбилиси, и выиграл в основном за счет подавляющего преимущества в трех регионах — Мегрелии, Квемо Картли и Самцхе-Джавахети. Последние два известны как регионы расселения основных национальных меньшинств Грузии — азербайджанцев и армян, которые на всех выборах в массовом порядке отдают свои голоса за кандидатов власти. Вместе с тем, это те регионы, где слабее гражданский контроль и больше возможностей для фальсификации. В основном именно на недоверии к результатам выборов этих двух регионов и основывались обвинения в неправомерности результатов.

Поскольку моделью для стратегии оппозиции служила ситуация, приведшая к «Революция Роз», то имеет смысл сделать сравнение с выборами ноября 2003 г. Тогда наиболее твердыми доказательствами массовой подтасовки выборов послужили результаты экзит-полов, проведенных под эгидой авторитетной американской организации и профинансированной группой международных доноров, и, особенно, параллельного подсчета голосов, проведенным Национальным демократическим институтом США (NDI) вместе с грузинским партнером — Международным обществом за справедливые выборы и демократию. В обоих случаях были зафиксированы большие расхождения с официальными результатами, приводившими к качественно иному составу парламента.

В январе 2008 г. таких доказательств не было. После колебаний, международные доноры отказались финансировать коалицию гражданских организаций для проведения экзит-полов — в результате чего этот проект был профинансирован грузинскими телекомпаниями,

---

⁴ *Georgia Extraordinary Presidential Election 5 January 2008*, OSCE/ODIHR Final Observation Mission Final Report, Warsaw, 4 March 2008. Матиас Йорши, представитель Парламентской ассамблеи Совета Европы и традиционный репортер по вопросам Грузии в этой организации, в личном интервью высказался более критично и назвал процесс выборов «разочарованием» - PACE Monitor: Georgia Election Disappointment, but Legitimate // Civil Georgia, 21.01.2008.

известными своей проправительственной ориентацией. Это дало повод оппозиции объявить недоверие их результатам – которые оказались очень близки к результатам Центральной избирательной комиссии⁵. Параллельный подсчет голосов показал, что Саакашвили получил 50,8% при марже ошибки в 2%⁶ – этот результат оппозиция под сомнение не ставила, но редко упоминала.

Следует отметить и то, что среди разношерстной оппозиции было достаточно сил, готовых манипулировать массовыми представлениями о подтасовке выборов и использовать противозаконные методы для захвата власти. В конце декабря 2007 г. власти распространили сенсационные тайные записи переговоров, где Бадри Патаркацишвили, миллиардер с сомнительной репутацией и один из оппозиционных кандидатов в президенты, сначала через одного из членов своей партии, а затем лично пытался завербовать одного из высших чинов министерства внутренних дел. Последний должен был инсценировать разоблачение подтасовки выборов (используя, кстати, уже упоминавшуюся телекомпанию «Имеди») а затем сам же возглавить вооруженный переворот на волне справедливого возмущения народа. После разоблачений почти все лидеры оппозиции отмежевались от Патаркацишвили, но вместе с тем продолжали открыто обсуждать сценарии, по которым власти обязательно подтасуют выборы, что даст легитимные основания для приемлемой для Запада новой демократической революции (это было бы повторением сценария «Революции Роз» уже в близком к оригиналу варианте). Представители оппозиции априори отмежевались от всех попыток организаторов экзит-полов привлечь их к мониторингу этой операции. Все это помогло власти убедить своих сторонников, что разговоры о подтасовке выборов – заранее скордированная подготовка к неконституционной смене власти.

Вышесказанное позволяет сказать, что у оппозиции и ее сторонников были основания для обвинений в том, что в процессе выборов были достаточно серьезные нарушения, которые не вязались с претензиями Грузии на неформальное звание «светоча демократии». Однако ей не удалось представить убедительных доказательств, что эти нарушения были достаточно массовыми для того,

---

⁵ Автор этих строк был одним из организаторов экзит-полов в январе 2008 г.

⁶ http://www.isfed.ge/elections/reports/isfed_electionreport_2008_eng.pdf.

чтобы повлиять на результат. С другой стороны, у власти и ее сторонников была возможность с чистой совестью утверждать, что нарушения нарушениями, но большинство населения реально поддержало Саакашвили, тогда как оппозиция сознательно манипулировала темой «подтасовки». Обе стороны (я имею в виду не только политических лидеров и активистов, но поддерживающие их сегменты общества) могли позволить себе внутреннюю убежденность в своей правоте. Это способствовало углублению раскола населения на часть, не приемлющую легитимность власти (поскольку последняя является «самозваной»), и часть, не приемлющую легитимность оппозиции (поскольку последняя не желает принимать конституционные ограничения в борьбе за власть). Кристаллизация двух непримиримых позиций в обществе создала фон, определивший характер дальнейшего политического противостояния.

Проблема оппозиции заключалась в том, что, объявив о непризнании власти и ориентации на методы гражданского неповиновения, она не имела ни ресурсов, ни адекватной стратегии и политической воли для осуществления подобной программы. В феврале под Лондоном неожиданно скончался от сердечного приступа Патаркацишвили — естественно, политические игроки начали спекулировать различными «версиями», но британская полиция их не подтвердила, и поверить в то, что грузинские спецслужбы способны на организацию политических убийств в Лондоне, было сложно. Еще до того, вскоре после выборов телекомпанию «Имеди» вновь закрыли на время расследования о планировании государственного переворота со стороны Патаркацишвили (на основе упомянутых записей). После смерти Патаркацишвили контроль над «Имеди» перешел к его родственнику Джозефу Кею (Какалашвили), который занял проправительственную позицию⁷. Это означало, что власти установили фактический контроль над всеми электронными средствами массовой информации общенационального вещания. Это было серьезным шагом назад с точки зрения демократического плюрализма и одновременно лишило оппозицию важного информационного ресурса.

---

⁷ Вдова Патаркацишвили оспаривала законность подобного наследования, однако суд подтвердил права Кея.

В феврале-марте 2008 г. оппозиция постаралась осуществить свою тактику «гражданского неповиновения», сделав упор на акции голодовки перед парламентом (партия «Новые правые», впрочем, предпочла голодать в приемной председателя парламента Нино Бурджанадзе). Правительство на этот раз избрало тактику, существенно отличающуюся от ноября 2007 г., никоим образом не воспрепятствовав организации палаточного городка перед парламентом, вступая с оппозицией в диалог по части одних требований и отвергая другие. Оппозиция, с другой стороны, постоянно меняла требования, тем самым показывая, что для нее важен сам процесс протестной мобилизации в преддверии парламентских выборов и демонстрация того, что она способна принудить власть к уступкам. Эта тактика, однако, привела к краху. 25 марта 2008 г. голодовку пришлось завершить, ничего не достигнув: естественно, политические лидеры не собирались умирать за изменения в избирательном кодексе, и власть умело разоблачила их блеф. Акции оппозиции оказались демонстрацией слабости.

Это оказало серьезное влияние на катастрофические для оппозиции результаты парламентских выборов. В части пропорциональных выборов президентская партия – Объединенное национальное движение – набрала 59,2% голосов, однако получила подавляющее большинство в одномандатных округах (71 из 75). В результате, партия получила 119 из 150 мандатов членов парламента – твердое конституционное большинство. Среди оппозиции барьер удалось преодолеть трем субъектам – Объединенной оппозиции (17,7%, 2 победы в одномандатных округах), христианским демократам (8,7%) и лейбористам (7,4%). Важным новшеством был успех христианских демократов. Эта партия была создана на основе телекомпании «Имеди», ее лидером стал Георгий Таргамдзе, бывший в течение нескольких лет «лицом» компании, наиболее популярным ведущим политических программ, но вовремя отмежевавшийся от Патаркацишвили после разоблачений его противозаконной деятельности.

Явный контраст с результатами президентских выборов можно объяснить более успешной мобилизацией со стороны власти так называемых «административных ресурсов», что обычно подразумевает как проведение перед выборами популярных (или популистских) мероприятий, так и различные формы скрытого давления на сторонников и активистов оппозиции (в основном за пределами столицы).

Заключение международной наблюдательной миссии было в данном случае еще более критично, чем на президентских выборах⁸.

Тем не менее, трудно найти качественные различия в поведении власти перед президентскими и парламентскими выборами — этим на объяснишь, почему в мае, в отличие от января, у оппозиции уже не было никаких шансов на успех. Что симптоматично, на этот раз оппозиция однозначно проиграла Тбилиси, добившись победы лишь в двух одномандатных округах из десяти. В столице уровень контроля за процессом выборов намного выше, и объяснять результаты массовыми подтасовками очень трудно. Как видно, к маю оппозиционно настроенная часть избирателей разуверилась в своих лидерах: их явно необдуманный радикализм сыграл против них.

Результаты выборов привели к расколу оппозиции на парламентскую и непарламентскую. Объединенная оппозиция и лейбористы в знак протеста против нарушений объявили об отказе войти в парламент, тогда как христианские демократы и часть других депутатов, избранных от оппозиции, не последовала их примеру. Первые сразу обвинили вторых в сговоре с властью.

Во второй половине 2008 г., в результате войны с Россией внутривнутриполитическая динамика полностью отошла на второй план. Война привела к консолидации общества вокруг правительства, а оппозиция объявила временный мораторий на протестные акции. В ноябре она попыталась отметить годовщину разгона демонстрации 7 ноября 2008 г., но демонстрация протеста оказалась маломощной. Оппозиция обвиняла Саакашвили в опрометчивой политике, приведшей к войне, и говорила о подготовке более масштабных акций протеста весной 2009 г.

Таким образом, результаты политического противостояния с сентября 2007 г. по май 2008 г. углубили кризис легитимности институтов представительной демократии. Решение основной части оппозиции отказаться от методов парламентской работы поставили точку в одном политическом цикле, но определили характер следующего: оппозиция обрекла себя на использование исключительно радикальных, «уличных» методов борьбы, которые усиливают установку на «исход с

---

⁸ *Georgia Parliamentary Elections 21 May 2008, OSCE/ODIHR Final Observation Mission Final Report, Warsaw, 9 September 2008.*

нулевой суммой», где единственно приемлемым решением может быть лишь полная капитуляция противника. С другой стороны, переход телекомпании «Имеди» в проправительственный лагерь означал качественно более высокий уровень концентрации фактической власти в руках правительства (два открыто оппозиционных телеканала, «Кавкасиа» и «Маэстро», вещали лишь на Тбилиси). В целом можно сказать, что по объективным индикаторам Грузия сделала шаг назад в развитии демократии.

Необходимости подобного исхода не было. Пришедшее к власти революционным путем правительство Михаила Саакашвили отдало приоритет быстрым модернизационным реформам и концентрации власти в противовес демократической ориентации на ее разделение. Резкое повышение эффективности государственных агентств подчеркнуло структурную слабость институтов гражданского общества — неправительственных организаций, масс-медиа, оппозиционных политических партий — и объективно понизило их шансы конкурировать с энергичным и уверенным в своей правоте и исторической миссии правительством, которое не видело нужды консультироваться с другими общественными силами. В этом смысле, естественно и справедливо возлагать именно на правительство Саакашвили основную ответственность за то, что порожденные «Революцией Роз» надежды на скорую демократизацию политической системы не оправдались. Однако массовые выступления в ноябре 2007 г. привели к перелому в настроениях власти: она была готова пойти на уступки. В частности, она согласилась с предложениями оппозиции по таким политически чувствительным вопросам, как изменение избирательной системы и метод формирования администрации выборов. В случае умелой — настойчивой и одновременно гибкой — политики, оппозиция могла достичь гораздо более сбалансированной политической ситуации. Однако, она выбрала тактику «все или ничего», не имея для этого достаточных политических ресурсов, прежде всего — нужного уровня поддержки населения. В результате, она растратила свой политический капитал и пришла к катастрофе на парламентских выборах.

Методы и установки оппозиции хорошо иллюстрирует пример 19 февраля 2008 г., когда парламент вынес на голосование проект поправок к конституции по изменению избирательной системы. Поправки были внесены по требованию оппозиции и отражали ее интересы. По новой системе, 100 из 150 депутатских мандатов рас-

пределялись по пропорциональной системе из общенациональных партийных списков, а 50 так называемых «мажоритариев» избирались по многомандатным округам в рамках крупных округов. Фактически, эти 50 депутатов тоже избирались по пропорциональной системе, но по региональным спискам. Для принятия поправок необходимо было по крайней мере несколько голосов оппозиционных депутатов, так как в тот день у партии власти не было двух третей голосов депутатов парламента. Оппозиция отказалась принимать участие в голосовании, поскольку опасалась, что это было бы расценено как «сотрудничество с властью», и ссылаясь на то, что в случае сильной политической воли власть могла мобилизовать необходимые две трети и без нее⁹. Поправка провалилась, а позднее парламент поддержал другую систему, по сути не менее демократичную, но невыгодную для оппозиции: 75 депутатов избиралось по общенациональным спискам, 75 — по одномандатным округам из районов. Шансы оппозиции на успех в выборах (к тому времени они все еще считались весьма высокими) уменьшились.

Грубые ошибки оппозиции отчасти можно объяснить так называемыми «субъективными причинами»: отсутствием сильных и умелых лидеров, взаимным недоверием среди многочисленных партий, когда любое проявление гибкости автоматически рассматривается как измена. Но более общую причину можно искать в революционном синдроме, или, говоря языком политической науки, *path dependency* (инерционной приверженности) к революционной стратегии. Эту приверженность разделяли не только (и, возможно, не столько) лидеры, но и их социальная опора — протестно настроенные граждане, которые видели в существующем правительстве лишь абсолютное зло, и считали, что единственно возможный метод отделаться от ненавидимой ими власти — радикально-революционные (пусть не открыто насильственные) действия по примеру «Революции Роз». Искреннее и твердое убеждение оппозиционной части общества, что власть «украли» у них победу на президентских выборах, еще более усиливает эту установку, придает ей квазиправовую основу.

Этот синдром является серьезным препятствием для консолидации демократии в Грузии. Для его преодоления необходимо два ус-

---

⁹ Vote on Key Constitutional Amendments Postponed // Civil Georgia, 19.02.2008.

ловия. Первое — должен сломаться основанный на прецедентах недавней грузинской истории стереотип, что заполненный сторонниками оппозиции проспект Руставели рано или поздно обязательно приведет к смене власти. В этом смысле исход политической борьбы между сентябрем 2007 г. и маем 2008 г. был важным шагом вперед. С другой стороны, подавляющее большинство избирателей, вне зависимости от их политических симпатий, должно увериться в том, что власть в Грузии можно сменить через выборы. Этот прецедент еще следует создать.

Августовская война: цели и результаты

Августовская война между Россией и Грузией была ожидаема и неожиданна одновременно. Она явилась логическим завершением противостояния, которое началось в процессе распада Советского Союза, обострилось после прихода Владимира Путина к власти в России в 1999 г. и перешло в предвоенную стадию после официальных или полуофициальных заявлений российских руководителей о том, что Россия готова применить прецедент косовского урегулирования к конфликтам в ее «ближнем зарубежье»¹⁰.

Эта война стала главным событием года не только для Грузии или Южного Кавказа, но и главным потрясением на международном уровне — пока ее не затмил глобальный экономический кризис. На фоне вызванного шока парадоксально выглядит то, что реально война изменила не так уж много ни на локальном, ни на глобальном уровне. Исключение составляет ситуация собственно в Абхазии и Южной Осетии, которые до войны называли (впрочем, не совсем справедливо) зонами «замороженных» конфликтов¹¹. Можно сказать, что война эти конфликты «перезаморозила» на новых условиях. Эти условия чрезвычайно болезненны для Грузии психологически и оста-

---

¹⁰ Андрей Илларионов аргументировано раскрывает шаги, которые, начиная с 1999 г., логично привели Россию к августу 2008 г. См. его статью: *The Russian Leadership's Preparation for War, 1999-2008 // The Guns of August 2008: Russia's War in Georgia* / Ed. Svante E. Cornell, S. Frederick Starr. M. S. Sharpe: Armonk, NY, London, England, 2009. P.49-84.

¹¹ Конфликты были «заморожены» в правовом смысле — не было движения в направлении их решения; однако, реальная ситуация менялась, и столкновения меньшего масштаба продолжались. Для полной корректности далее я буду называть эти конфликты «полузамороженными».

вили после себя высокий уровень напряженности в отношениях с Россией. Но не исключено, что новая, менее двусмысленная ситуация может стать основой для создания более стабильного режима безопасности, и что она скорее укрепит, чем ослабит стратегическую позицию Грузии в долгосрочной перспективе.

Значение августовских сражений намного шире, чем судьба двух небольших территорий. Конфликт, пиком которого стала война, можно с равным правом рассматривать как противостояние собственно между Россией и Грузией, так и как остаточный фронт холодной войны между Западом и Россией как преемницей (в правовом и психологическом смысле) Советского Союза. С точки зрения российской политической элиты, Грузия не является самостоятельным противником, с которым имеет смысл вести политическую игру непосредственно – таковым является Запад (США, НАТО, Евросоюз). Цель последних (в российском политическом сознании) – «выжать» Россию из зоны ее «естественных» и «законных» интересов (прежде всего, бывшего СССР). Принятие этих стран в НАТО или в Европейский Союз было бы закреплением «вытеснения» России. Для достижения своих целей Запад использует таких своих ставленников, как Саакашвили в Грузии или Ющенко на Украине. «Цветные революции» в Грузии и на Украине воспринимаются не как этапы во внутренней политической эволюции этих стран, но как спецоперации Запада с целью обеспечить здесь правление своих ставленников. Исходя из этой логики, стратегическая цель России в этих странах состоит в том, чтобы, как минимум, ослабить прозападные режимы, а в лучшем случае способствовать их замене более или менее пророссийскими силами.

Смена режима в Грузии сулила особенно серьезный геополитический выигрыш. Во-первых, она имела бы важный демонстрационный эффект для политических элит других постсоветских стран (которые колебались между Россией и Западом). Важность Грузии в глазах российской политической элиты усиливало то, что она считала контроль над добычей и транспортировкой нефти и газа особо важной козырной картой в отношениях с Западом: именно через Грузию идут осуществленные или намеченные проекты транспортировки каспийских минеральных ресурсов в обход России. Контроль над Грузией означал полную зависимость от России каспийских стран – экспортеров нефти и газа, и сужение пространства для маневра в отношениях с Росси-

ей для западных стран. С другой стороны, наличие в Грузии зон «полумороженных» конфликтов, в которых контрольный пакет акций принадлежал России, и, казалось бы, эндемическая склонность этой страны к периодическим революционным потрясениям, и присутствие во власти неопытных молодых политиков во главе с «неуравновешенным», а значит легко провоцируемым Саакашвили создавал благодатную почву для попыток повлиять на смену режима. Если это «смогли» американцы в 2003 г., почему бы не попытаться России?

Сначала российское руководство попыталось использовать методы экономического давления. Весной 2006 г. Россия запретила ввоз грузинских вин и минеральных вод — основного грузинского экспорта в Россию, а осенью, в ответ на арест и высылку из Грузии граждан России по обвинению в шпионаже, последовала полновесная экономическая блокада. Это, однако, не привело ни к экономическому кризису в Грузии, ни к падению популярности Саакашвили. События сентября 2007 г. — мая 2008 г., проанализированные в предыдущей главе, показали, что правительство Саакашвили способно выдержать и крупномасштабные выступления оппозиции. Как уже говорилось в предыдущей главе, заполненный сердитыми гражданами проспект Руставели не обязательно приводит не только к смене режима, но и к его дестабилизации¹². Поддержка открыто

---

¹² Здесь нельзя не коснуться чрезвычайно скользкой для любого исследователя темы — предполагаемого влияния России на массовые акции оппозиции против Саакашвили. В ноябре 2007 г., грузинские власти делали обвинения в адрес отдельных лидеров оппозиции в сотрудничестве с российскими спецслужбами, и распространили аудиозаписи их переговоров с предполагаемыми агентами спецслужб. Однако, никаких дальнейших правовых шагов предпринято не было, обвинения повисли в воздухе, а «разоблаченные» лидеры спокойно продолжили политическую деятельность. Такие политически мотивированные, но документально неподтвержденные (или недостаточно подтвержденные) обвинения в том, что за оппозиционными выступлениями в Грузии стоял какой-либо «российский заказ», конечно, не могут быть взяты за основу для серьезных выводов. У меня не вызывает сомнений то, что масштаб и характер оппозиционных выступлений в Грузии определялся недовольством большей части граждан и уверенностью в том, что массовые уличные протесты являются единственным методом воздействия на правительство. Нет никаких признаков того, что на каком-либо этапе Россия была способна контролировать общее направление акций оппозиции в Грузии. Однако это не исключает того, что вышедшее из недр спецслужб российское руководство не только проявляло живой интерес к событиям и участвовало на падение Саакашвили, но и имело своих «агентов влияния» среди оппозиционных лидеров, пытаясь подтолкнуть события в желательное для них русло.

пророссийских сил, как партия «Справедливость» во главе с Игорем Гиоргадзе, привела вообще к смехотворным результатам - представитель этой партии Ирина Саришвили на президентских выборах 2008 г. получила менее одного процента голосов. Оставалась военная интервенция – естественно, через использование «полузамороженных» конфликтов как наиболее уязвимых точек.

Более конкретно, для Грузии точками уязвимости являлось присутствие этнически грузинских анклавов внутри Абхазии и Южной Осетии – соответственно, Кодорского ущелья в Абхазии, региона между Цхинвали и Джавой в Южной Осетии¹³. Это составляло существенную разницу между этими конфликтами и, скажем, карабахским или кипрским, где существует более или менее четкая делимитация сторон. Наличие этих зон имело амбивалентное значение для грузинского правительства. С одной стороны, их защита была патриотическим долгом и стратегическим приоритетом: поскольку восстановление территориальной целостности Грузии оставалось одной из наиболее важных политической целей, наличие смешанного контроля в зонах конфликта было важной козырной картой грузинской стороны как в политическом, так и военно-стратегическом смысле. Именно по этой причине наличие подобных анклавов являлось причиной серьезной нервозности со стороны сепаратистских властей. Но, даже при наличии грузинских анклавов, реальное восстановление территориальной целостности являлось чисто теоретической возможностью – по крайней мере, до того, как Россия продолжала поддерживать сепаратистские режимы. В кратко- и среднесрочной перспективе, их присутствие объективно дестабилизировало ситуацию, а их защита требовала серьезных экономических, военных и политических ресурсов. На фоне дальнейшего ухудшения российско-грузинских отношений, примерно начиная с весны 2007 г., шаткая ситуация вокруг них означала прямую угрозу развертывания военных действий. Эта угроза и стала реальностью в августе 2008 г.

Естественен вопрос: могла ли Грузия предотвратить войну, и как? Предопределили ли войну конкретные ошибки Саакашвили?

---

¹³ Я не включаю сюда Гальский район на границе Абхазии и собственно Грузии, почти полностью населенный грузинами, так как в военном отношении он находился под российско-абхазским контролем и до войны, и в строгом смысле слова анклавом не является.

Ошибки, естественно, были (часто упоминают, например, излишне резкие высказывания грузинского президента о его российском коллеге), но вряд ли они могли вызвать войну. «Ошибкой» стратегического масштаба можно считать сам факт ориентации на Запад, на членство в НАТО и Европейский Союз, ибо именно это являлось корневой причиной неприятия Россией политики Грузии. Но это означало бы отказ от национального проекта, который является основной точкой консенсуса среди различных политических партий в Грузии. Кроме того, правительство Шеварднадзе в 1993–95 гг. уже провело эксперимент — оно попыталось ориентироваться на Россию в военно-стратегическом смысле, но никаких ощутимых положительных результатов это не принесло.

Вторым шагом, который теоретически мог предотвратить войну, был бы отказ от претензий на Абхазию и Южную Осетию. Это лишило бы Россию повода для агрессивных акций. Однако, ни одно правительство Грузии не смогло бы пойти на такое изменение политики, сразу не перестав быть правительством.

То, что реально следует считать просчетом Саакашвили — возможно, самой большой ошибкой его президентства — это поддержка иллюзии сравнительно быстрого решения проблем Абхазии и Южной Осетии. Это само по себе отнюдь не означает, что он ориентировался на их военное решение. Если не считать авантюрных действий в июле-августе 2004 г., когда правительство решило осуществить модифицированный аджарский сценарий в Южной Осетии, Грузия в этих регионах вела позиционную игру: ее действия были направлены в первую очередь на поддержку и укрепление уже существующих грузинских анклавов на сепаратистских территориях, и привлечение внимания международного сообщества к опасностям, которые проистекают из нерешенности («полузамороженности») этих конфликтов. Постоянная риторика о сравнительно скором восстановлении территориальной целостности была предназначена для внутреннего пользования и имела во многом ритуальный характер. Однако совокупность этой риторики с приоритетной заботой о построении армии (что само по себе имело вполне рациональный смысл на фоне ориентации на НАТО и полного пренебрежения этим аспектом государственного строительства со стороны предыдущего правительства) создавало впечатление, что грузинское правительство подумывает о военном

решении. Этот стереотип оказался крайне полезным для России в августе 2008 г.

Решение о начале атаки на Цхинвали, принятое Саакашвили вечером 7 августа, было, естественно, крайне противоречивым и может быть предметом легитимной критики. Как бы его не оценивать с политической, военно-стратегической и правовой точки зрения, ясно одно: оно оказалось решающим для международной рецепции конфликта, согласно которой войну начала Грузия, Россия повинна лишь в «непропорциональном ответе». Даже западные аналитики, в целом с симпатией относящиеся к позиции Грузии в этой войне, пишут о том, что «Саакашвили попал в расставленную Россией ловушку». Возможно. Однако, с точки зрения грузинского руководства, решение атаковать Цхинвали было принято лишь после понимания того, что предотвратить войну уже не удастся, и необходимо было использовать минимальные оставшиеся шансы на то, чтобы как-то защитить оставшееся в окружении население грузинских деревень внутри юго-осетинской территории (между Цхинвали и Джавой). Кроме того, еще оставалась не оправдавшая себя надежда на то, что Россия не пойдет на открытую войну с Грузией¹⁴.

Впрочем, для анализа собственно военной составляющей конфликта, я сошлюсь на подробное исследование Павла Фельгенгауэра¹⁵, и сосредоточусь на основных политических результатах войны. Эти результаты неоднозначны с обеих сторон. С традиционной, военной точки зрения все достаточно ясно: Россия победила и Грузия проиграла. Ее армия была сильнее, и поэтому Россия расширила зону территориального контроля. Упомянутые грузинские анклавы перестали существовать. Результаты военной победы получили правовое закрепление – Россия признала Абхазию и Южную Осетию независимыми государствами, тем самым зафиксировав их отделение от Грузии. В условиях, когда Россия фактически единственное такое государство (признание со стороны Никарагуа имеет

---

¹⁴ Я высказал свое мнение о мотивах действий обеих сторон в опубликованной в дни войны статье: См. подробнее: *The War for Georgia: Russia, the West, the Future* // www.opendemocracy.net/article/georgia-under-fire-the-power-of-russian-resentment.

¹⁵ *Pavel Felgenhauer, After August 7: The Escalation of the Russia-Georgia War // The Guns of August 2008: Russia's War in Georgia* / Ed. Svante E. Cornell and S. Frederick Starr. M. S. Sharpe: Armonk, NY, London, England, 2009. P.162-180.

чисто символическое значение), это означает возникновение двух полностью зависимых от России территорий.

Но на деле Россия контролировала большую часть этих территорий и до войны. В этом смысле, результаты августовской войны представляют собой не что иное, как консолидацию и официальное оформление результатов войн начала 1990-х гг.

Однако, вряд ли Россия шла на войну с целью завоевания Ахалгорского района. Если рассматривать результаты войны в системах Россия – Грузия, Россия – соседние страны, Россия – Запад, результаты совершенно неоднозначны.

Несмотря на военные результаты войны, прозападный режим Михаила Саакашвили устоял. Более того, нет индикаторов того, что он ослаб. Война выявила серьезные недостатки в подготовке грузинской армии, но она не привела к хаосу, система государственных институтов продолжала работать достаточно слажено, не было массовой паники. Экономика, конечно, серьезно пострадала, но не больше, чем экономика России, или – на фоне глобального кризиса – экономика соседних государств. Уровень популярности правительства не пострадал – наоборот, большинство населения Грузии скорее сплотилось вокруг руководства. Анализ оппозиционной кампании весной 2009 г. с требованиями отставки Саакашвили не входит в задачи этой статьи, но она подтверждает данную оценку: «проигранная война» не только не стала козырной картой в руках оппозиции, но наоборот, она заставила последнюю выглядеть непатриотично, что умело использовал Саакашвили¹⁶. Грузинское население из зоны конфликта пострадало, но новых беженцев удалось более или менее прилично (принимая во внимание объективную сложность положения) обустроить еще до начала зимы 2009 г., и они не стали опорой оппозиции или источником нестабильности в государстве.

---

¹⁶ В этом отношении важно, что большинство населения согласно со своим правительством в рецепции причин войны. Согласно исследованиям Международного республиканского института, в сентябре 2008 г. 84% опрошенных были согласны, что Грузия в августе лишь реагировала на агрессию России, тогда как 7% обвиняла в начале войны собственное правительство. К марту соотношение изменилось до, соответственно, 63-х и 14-ти процентов – все еще явно недостаточно для того, чтобы сместить правительство по обвинению в «безответственной военной аванюре» (что пыталась сделать оппозиция). См. подробнее: <http://www.iri.org.ge/eng/engmain.htm>.

Говоря о стратегических потерях Грузии в результате войны, обычно подчеркивают, что страна потеряла надежду на осуществление двух фундаментальных проектов: восстановления территориальной целостности и вступления в НАТО. В этих утверждениях есть доля истины, но и серьезное преувеличение. Как я уже говорил, надежда на решение территориальных проблем в обозримом будущем была скорее иллюзией, и война действительно привела к потере этих иллюзий. Но это не значит, что существовали реальные шансы, которых больше нет. После того, как Абхазия и Южная Осетия уже официально стали протекторатами России, скорого решения проблемы не будут ждать ни от Саакашвили, ни от кого-либо из его преемников¹⁷. Конечно, Грузия будет настаивать на своих территориальных правах, но это будет чисто дипломатической деятельностью. Ожидание активных действий, направленных на решение конфликтов, перестанет быть важным фактором во внутривнутриполитической жизни Грузии.

Кроме того, война привела к гораздо более четкой делимитации сторон – конфликт стал более походить на кипрский. Это не делает решение проще, но повысит шансы на создание более прочного и предсказуемого режима безопасности в условиях нерешенного конфликта. Россия приобрела две территории по южную сторону Кавказского хребта, где сможет размещать такое количество военных баз, какое сочтет нужным. Но вместе с тем, потеряв формальную роль посредницы в грузинских конфликтах, она потеряла и последний серьезный рычаг воздействия на политику Грузии – если не считать прямого военного вмешательства или внутривнутригрузинских диверсий. Последнее тоже нельзя исключить – но в таком случае конфликт с правыми нормами и вызов международному сообществу будет еще более явным, чем в августе 2008 г., когда Россию обвиняли в основном лишь в «непропорциональности» ответа.

Что касается перспектив Грузии на вступление в НАТО, то, конечно же, война имела негативные последствия в этом смысле.

---

¹⁷ Согласно исследованиям Международного республиканского института, в марте 2009 г. 56% опрошенных считали маловероятным, что правительство Грузии сможет решить проблемы, связанные с конфликтами в Абхазии и Южной Осетии, по сравнению с 13% в октябре 2004 г. Впрочем, лишь 2% приняли бы независимость этих территорий – в этом смысле общественное мнение стабильно. См. подробнее: <http://www.iri.org.ge/eng/engmain.htm>.

Важно и то, что личный престиж Саакашвили, который, по мнению многих западных политиков и аналитиков, разделял ответственность за начало войны, пострадал. Однако, следует помнить, что судьбоносное решение отказать Грузии в предоставлении МАР (Плана действий для [подготовки] членства в Североатлантическом Союзе), но при этом сделать общее заявление о принципиальной готовности НАТО принять Украину и Грузию, было принято до войны, на весеннем саммите НАТО в Бухаресте. Это означало, что заявка Грузии на членство в НАТО была перенесена из папки краткосрочных проектов в долгосрочные. Война еще более упрочила и без того существовавшее психологическое сопротивление западноевропейцев (особенно Германии) членству Грузии в НАТО – но оно было сильно и без нее¹⁸.

Для Грузии очень важны общие региональные и глобальные последствия войны. Можно предположить, что Россия рассчитывала, в результате демонстрационного эффекта войны, укрепить влияние в «ближнем зарубежье». Политические лидеры, ориентирующиеся на Запад, должны были получить наглядный урок: Россия готова действовать в зоне своих законных интересов (т. е., прежде всего, в странах бывшего СССР) решительно, и в таких случаях Запад не способен помочь. Поэтому, им выгоднее считаться с интересами Москвы. Есть ли признаки того, что лидеры или общества стран СНГ вынесли из августовской войны именно этот урок?

Конкретных индикаторов не видно. Единственным таким признаком было решение Кыргызстана отказать США в праве использовать аэропорт «Манас» (явно в ответ на российскую экономическую помощь) – но через некоторое время решение было изменено. Проект газопровода «Набукко», который явно не нравился Москве, был подписан летом 2009 г., благодаря поддержке Азербайджана и Туркмении. Узбекистан и Беларусь решили не поддерживать проект создания Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ. Нет никаких признаков, что война усилила пророссийские силы на Украине – внутренняя политическая обстановка остается

---

¹⁸ Я не буду здесь рассматривать противоположную логическую схему – решения Бухарестского саммита послужили поощрением российской агрессии. Это общее предположение, которое невозможно проверить. Однако, в чисто логическом смысле оно более корректно, чем утверждение, что война закрыла Грузии дорогу в НАТО.

столь же запутанной, как была до войны. Даже, казалось бы, наиболее верные союзники не проявляют последовательности. Армения почти демонстративно наградила Саакашвили орденом в июне 2009 г. — зная, что это вызовет сильное раздражение Москвы. Авторитарный лидер Беларуси Лукашенко стал проявлять еще больше строптивости по отношению к Кремлю, и больше заигрывать с Европой. После продолжительного кризиса и повторных выборов, и в Молдове постоянно колеблющихся между Россией и Европой коммунистов сменили более прозападные силы.

Общая тенденция далеко не выгодна для Москвы. У каждой из названных стран — своя политическая динамика и свои причины принимать те или иные решения, и августовская война может быть совершенно ни при чем. Но в целом, через год после войны было достаточно ясно, что война не привела к упрочению позиций России в странах бывшего СССР. Можно предположить, что тот факт, что после войны с Россией Саакашвили не только не потерял власть, но, возможно, даже усилил позиции внутри страны, имел демонстрационный эффект, противоположный тому, чего ожидала Москва (раз Саакашвили выдержал даже прямую военную агрессию, значит Россия не так уж страшна). Но если это так, то демонстрационный эффект обоюден: тот факт, что даже пойдя на открытый вызов Западу, Москва не смогла усилить свои позиции в «ближнем зарубежье», укрепляет убеждение Саакашвили и грузинской политической элиты в целом, что продолжение курса на сотрудничество с Западом остается наиболее разумной и выгодной стратегией для Грузии.

Нет никаких признаков и того, что война приведет к хотя бы молчаливому согласию Запада в большей степени уважать претензию России на наличие особой «зоны интересов» в ее «ближнем зарубежье». Без сомнения, война привела в замешательство западных лидеров, выявила слабость их позиций в отношениях с Россией. В особенно неприятном положении оказалась администрация США, которая не могла действительно помочь Саакашвили, с которым у нее были особые отношения¹⁹. На фоне слабости Буша, инициативу

---

¹⁹ Хотя заявление президента Буша о посылке военных кораблей с «гуманитарным грузом» для Грузии могло быть решающим для решения российских лидеров остановить войну и не идти на Тбилиси.

взял на себя президент Франции Н.Саркози. В конце концов, и США, и Европе пришлось «проглотить» фактический отказ России соблюдать все шесть пунктов плана Саркози-Медведева, который стал основой для прекращения военных действий.

Все это принесло определенную моральную сатисфакцию российскому руководству и поддерживающему его обществу. По удачному выражению болгарского исследователя Ивана Крастева, Россия успешно продемонстрировала, что у Запада нет «монополии на применение двойных стандартов»²⁰. Вот и Россия провела свою собственную «операцию по принуждению к миру» — тем самым отомстив за Косово.

Но в целом, несмотря на пережитый шок, Запад не отказался от претензии влиять на события в российском «ближнем зарубежье». Возможно, на Южном Кавказе несколько изменился баланс влияния между США и Евросоюзом — в пользу последнего. Это подтверждается и созданием такого нового инструмента ЕС, как «Восточное партнерство», ориентированного именно на государства СНГ. Конкретная действенность инструмента неясна — но претензия на более активную роль заявлена недвусмысленно. Ускорение проекта «Набукко» — шаг в том же направлении. После войны ЕС активизировал переговоры с Грузией на предмет ассоциированного членства, свободной торговли и упрощения визового режима. С другой стороны, в самом конце 2008 г. между Грузией и США была подписана Хартия о стратегическом партнерстве. Ее еще требуется наполнить содержанием, но это опять-таки заявка на более близкое сотрудничество.

Таким образом, хотя с надеждами на скорое членство в НАТО Грузии пришлось распрощаться еще до войны, война укрепила Запад в недоверии к России и подтолкнула его к поиску новых путей укрепления реального суверенитета соседних с Россией государств.

Еще одно интересное направление, непрямым образом связанное с войной — решение правительства Турции играть более активную роль в регионе через объявление так называемой Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе. Конкретные очертания

---

²⁰ Ivan Krastev, *The guns of August: non-event with consequences*, <http://www.opendemocracy.net/article/the-guns-of-august-non-event-with-consequences>, accessed Sept 06 2009.

новой турецкой политики в этом направлении совершенно неясны, кроме одного — заявленного стремления к нормализации отношений с Арменией. Если это стремление воплотится в реальность, оно приведет к серьезным изменениям в регионе, которые, в какой-то степени, будут касаться и Грузии. Но пока конкретные импликации новой турецкой политики обсуждать преждевременно.

Заключение

На тот факт, что 2008 г. был для Грузии особенно тяжелым, можно посмотреть и с другой стороны: это был год испытания на прочность молодого грузинского государства, которое в течение долгих лет рассматривалось как наиболее нестабильное и уязвимое на Южном Кавказе, и которое часто именовали «слабым» или даже «несостоявшимся». Год начался под знаком внутривнутриполитической напряженности, летом последовала война с Россией, а завершился он серьезным экономическим кризисом.

Хорошая новость заключается в том, что Грузия прошла через этот комплекс потрясений с минимальными потерями. Ее система государственных институтов, экономика и общество не развалились, а в целом адекватно реагировали на возникающие проблемы. В этом смысле, 2008 г. можно сравнить с пробным пробегом для автомобиля: модель под названием «Грузия» была испытана на сильно пересеченной местности и поставлена во все типичные аварийные ситуации. Были выявлены серьезные недоработки, и пришлось отказаться от некоторых нереалистичных амбиций, но в целом модель оказалась жизнеспособна. Если вспомнить, что в течение последних двадцати лет жизнеспособность Грузии как государства далеко не принималась как данность, это немалое достижение.

Конечно, слишком обольщаться не следует: относительный успех пробного пробега во многом зависел от присутствия небольшой группы людей, которая достаточно слаженно сработала как команда управления. Насколько достигнутый уровень устойчивости институционализирован, пока неясно. Но есть опыт, который может использовать как данная команда, так и ее преемники.

Плохая новость состоит в том, что испытания еще не закончились: к концу года ни один из упомянутых кризисов нельзя было считать разрешенным. Отказ большей части оппозиции войти в избранный в мае 2009 г. парламент означал отказ от использования

конституционных механизмов политической борьбы и ориентацию на «уличные» действия. В конце 2008 г. оппозиция говорила о подготовке массовых акций с требованиями отставки парламента и/или президента весной 2009 г., т. е. готовилась к очередной попытке неконституционной смены власти. В отношениях с Россией после августовской войны тоже оставался высокий уровень напряженности и говорили о возможности новой военной интервенции. Экономический спад, среди причин которого итоги войны слились с влиянием глобального экономического кризиса, только начинался, и траектория его развития была совершенно неясна.

Нет сомнения, что события 2008 г. окажут серьезное влияние на последующее развитие Грузии, хотя историческая дистанция пока недостаточна для оценки того, каким именно будет это влияние. Можно предположить, что травмы, оставшиеся от войны, будут давать о себе знать еще долго. Однако вполне возможно и то, что в долгосрочной перспективе пройденные тяжелые испытания скорее усилят, чем ослабят, позицию Грузии.